

И.Е. Лоцилов¹, И.С. Полторацкий²

¹ Институт филологии Сибирского отделения РАН, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация

² Новосибирский государственный университет, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация

О поэме Алексея Ачаира «Казачи»

Статья посвящена поэме харбинского поэта Алексея Ачаира (Грызова; 1896, Омск – 1960, Новосибирск) «Казачи», завершённой автором в ноябре 1927 г. Она была издана дважды в 1929 г. в труднодоступных для современного читателя изданиях: в двух выпусках сборника «Вольная Сибирь» (Прага) и в газете «Русское слово» (Харбин). Забытая поэма заслуживает внимания как случай раннего подражания поэмам Марины Цветаевой, в первую очередь – «Крысолову», а также как развернутое сочинение, отражающее областнические умонастроения периода «бури и натиска» кружка «Молодая Чураевка», основателем и идеологом которого был её автор. Это самое большое по объёму и самое значительное по масштабу сочинение Ачаира, единственная поэма, опубликованная при его жизни. Ачаир воспроизвел характерные приемы поэтики «большой формы» Цветаевой и попытался поставить их на службу задаче пропаганды сибирского областничества. Наряду с определённым художественным строем поэмы влиянием Цветаевой, в ней слышны и отголоски советской «левой» авангардной поэзии (Хлебников, Маяковский, Сельвинский), что делает общее впечатление от поэмы мозаичным.

Ключевые слова: Алексей Ачаир, Марина Цветаева, литература русской эмиграции, литературные влияния, поэма, русский Китай, Харбин

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Выражаем признательность В.А. Росову (Москва) за сообщение важных архивных сведений и разрешение включить их в статью.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лоцилов И.Е., Полторацкий И.С. О поэме Алексея Ачаира «Казачи» // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 33–56. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-33-56

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-33-56

I.E. Loshchilov¹, I.S. Poltoratsky²

¹ Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

On Alexei Achair's narrative poem “The Cossacks”

The article is devoted to the narrative poem “The Cossacks” by the Harbin poet Alexei Achair (Gryzov; b. 1896, Omsk – d. 1960, Novosibirsk), completed by the author at the end of 1927. It was published twice in 1929 in hard-to-reach publications for today's reader: in two issues of the collection “Free Siberia” (Prague) and in the newspaper “Russian Word” (Harbin). The forgotten poem deserves attention as a case of early imitation of Marina Tsvetaeva's poems, primarily “The Pied Piper”, and also as a detailed essay reflecting the regional mentality of the “Sturm-und-Drang” period of the “Young Churaevka” circle. In addition, this is the largest in volume and the most significant work of Achair, and the only poem published during his lifetime. Achair reproduced the characteristic techniques of Tsvetaeva's “grand form” poetics and tried to put them at the service of the propaganda of Siberian regionalism. Along with Tsvetaeva, whose poetics determined the structure of Achair's text, the echoes of Soviet poetry (Khlebnikov, Mayakovsky, Selvinsky) are also heard, which makes the overall impression of the poem mosaic.

Key words: Alexey Achair, Marina Tsvetaeva, Russian literature in emigration, literary influences, narrative poem, Russian China, Harbin

Acknowledgments: Research is financially supported by the grant of Russian Science Foundation No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

We express our gratitude to V.A. Rosov (Moscow) for reporting important archival information and permission to include them in the article.

FOR CITATION: Loshchilov I.E., Poltoratsky I.S. On Alexei Achair's narrative poem "The Cossacks". *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 33–56. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-33-56

Журналистка Евгения Сентянина, мать поэта Валерия Перелешина, писала в харбинском журнале «Рубеж» (1940. № 24) об Алексее Ачаире (Алексее Алексеевиче Грызове; 1896–1960) и его поэзии:

Легко, широкой струей, не знающей порогов, льется вдохновение Ачаира. Он быстро вдохновляется, подчас незаметными мелочами. Для всякого – пустяк, а для Алексея Ачаира – событие, толчок, способный всколыхнуть душу до потаенных глубин. Его творчество стихийно, буйно.

Свое направление Ачаир определяет как «лирическую романтику» и прибавляет: «к сожалению». Да, в нем есть нечто сродни Северянину, но есть что-то и цветаевское. Но тематика его неисчерпаема, его тема – сама жизнь; чувство его непосредственно [Цит. по: Эфендиева, 2012, с. 234].

«Что-то цветаевское» слышно и в некоторых из стихотворений Ачаира, но в наиболее сильной степени проявилось оно в самом объемном из дошедших до нас сочинений поэта – в его поэме «Казак». Ачаир подражал в своем литературном творчестве и Северянину, и Гумилеву, и Кузмину, и Блоку, и Вертинскому – иногда удачно, иногда менее убедительно, но сквозь его поэтический текст всегда как бы «просвечивает» текст-источник¹. Он был исключительно плодовит: едва ли в каждом выпуске нескольких харбинских изданий публиковались его новые стихотворения.

¹ Петр Пильский и 12 лет спустя после «Казак» писал в рижской рецензии на сборник «Тропы» [Ачаир, 1939]: «Даровитость Ачаира несомненна: по праву он пользуется на Дальнем Востоке большой известностью. Сюда его голос как-то не доносился, и об этом можно пожалеть: Ачаир достоин большей известности. <...> Кое-что не понравилось. Пора бы расстаться с колобинами, пьереттами, со всем этим давно прискучившим стадом изукрашенных лентами барашков, будто сорвавшихся с пасхального стола» [Пильский, 1939, с. 6]; Сергей Осокин в общей рецензии на 4 поэтические книжки того же года: «При чтении все время нельзя отделаться от досадливой двойственности – стихи были бы совсем хороши, если бы... <...> если бы Ачаир, человек безусловно одаренный, хоть на время забыл о том, что он “поэт”, и что “кто-то ему ласково приказывает”: “– Пиши! И я пишу про бред и небыль / Сомнамбулической души» [Осокин, 1939, с. 199].

Его муза была щедрой. Он писал чуть ли не по стихотворению в день. Для меня Алексей Алексеевич был верным другом, старшим братом, который многое понимал без слов. Свои стихи Ачаир читал всегда слегка нараспев и любил декламировать их под музыку собственного сочинения [Резникова, 1988, с. 391].

«Визитной карточкой лиры поэта» [Штейн, 1997, с. 141] по сей день остаются его ранние строки, выдержанные в тональности Надсона и Некрасова. В этих строках эмигранты Востока и Запада легче узнавали свидетельство о своей судьбе и о «миссии российского исхода» [Там же, с. 140], чем в «рваном стихе» [Могиланский, 1930, с. 6] «Казак», и запомнили имя их автора:

*Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала –
Мы по свету ее разнесли.*

[Ачаир, 1925, с. 70]²

9 апреля 1928 г. Ачаир писал из Харбина известному идеологу и деятелю сибирского областничества, редактору выходивших в 1927–1930 гг. в Праге сборников «Вольная Сибирь» Ивану Александровичу Якушеву (1884–1935):

Посылаю Вам с этим письмом свою поэму «Казак». И большая к Вам просьба, посодействуйте мне. Она – первая областническая сибирская поэма. Нельзя ли ее устроить в «Волю России» к июню месяцу – годовщине 1918–<19>28. Марина Цветаева в Праге? Быть может, Вы ее ей покажете? Я не знаком с Цветаевой, но очень хотел бы с ней познакомиться. Ее поэзия мне так близка. Сговоритесь с журналом и о гонораре. Я буду Вам чрезвычайно признателен. Может быть, если эта вещь заслуживает внимания, ее можно издать отдельным выпуском? И м<ожет> б<ыть> с иллюстрациями... У Вас ведь есть сибирские казаки, они должны знать обстановку семиречья и станиц по линии...

Эта поэма – часть меня. В ней – моя вера в Сибирь и в сибиряков. Передайте мой поклон всем сибирякам в Праге³.

² В текст «Казак» инкорпорированы другие три строфы этого знаменитого стихотворения, «По странам рассеяния (Эмигранты)» [Ачаир, 1929, с. 38–39].

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 19–19 (об.).

Ни в журнале «Воля России», ни в виде отдельного издания поэма Ачаира не была выпущена, однако в 1929 г. Якушев опубликовал ее в двух выпусках «общественно-литературного и экономического сборника» «Вольная Сибирь» [Ачаир, 1929]. Примерно тогда же поэма вышла еще один раз, в харбинской газете «Русское слово» (выпуск от 15 мая 1929 г.) [Бузуев, 2001, с. 393]. В новейшие издания наследия поэта [Ачаир, 2004; 2009] она не включалась. Фрагменты были воспроизведены в посвященном Ачаиру миниатюрном издании под заголовком «“Всеначального войска сибирского круг...”» (Отрывки из поэмы “Казаки”)» [Ачаир, 2013, с. 154–174]. Авторы этой статьи подготовили к переизданию полный текст и включили его в качестве приложения в состав посвященной поэме публикации [Лощилов, Полторацкий, 2021, с. 290–332]⁴.

В первую очередь поэма интересна как случай раннего (можно сказать, оперативного) подражания большим поэмам Марины Цветаевой.

Из ряда довольно многочисленных, как всегда в творчестве Ачаира, литературных влияний, стержневым в «Казаках», завершенных в середине ноября 1927 г., несомненно, является цветаевское. Во-первых и в главных, это «Крысолов», публикация которого завершилась в начале 1926 г. («Воля России» (Прага), 1925, № 4–8; 1926, № 1), и «Поэма лестницы» (там же, 1926, № 11). Видны также следы знакомства с ее сказочными поэмами, которые выходили в виде отдельных изданий: «Царь-девица» (М., 1922) и «Молодец» (Прага, 1924). Сегодняшний читатель «Казаков» в первую очередь вспомнит цветаевский «Перекоп»: обе поэмы посвящены событиям Гражданской войны (у Цветаевой в Крыму, у Ачаира в Сибири), но говорить о влиянии было бы хронологической ошибкой: «Перекоп» был завершён 15 мая 1929 г. и не публиковался при жизни Цветаевой⁵.

Кроме того, дата завершения поэмы Ачаира – 14 ноября 1927 г. – близка ко времени создания «Молодой Чураевки». Литературный кружок, основанный Ачаиром в марте 1926 г., взял это название на собрании, состоявшемся в редакции «ХСМЛ журнала» 30 октября 1927 г. [Солодкая, 2006, с. 37–38]. Поэма отражает умонастроения Ачаира в период

⁴ Текст поэмы А. Ачаира «Казаки» далее цитируется по этой публикации, с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁵ Справедливо отметив цветаевское влияние в стихотворении Ачаира «Маслянице», напечатанном в харбинском журнале «Рубеж» в 1928 г., Л.А. Мнухин заблуждался, возводя строки из «Казаков» «Чагин?.. – Васька?.. Ты?.. / Владимир!..» к стихотворению Цветаевой «Советским вельможей...» из цикла «Маяковскому» («– Здорово, Сережа! / – Здорово, Володя!» [Мнухин, 2000, с. 294–295; 2003, с. 86]: поэма Ачаира была написана и издана еще при жизни Маяковского, а цветаевский реквием был напечатан в лишь в последнем (№ 11–12) выпуске журнала «Воле России» за 1930 г.

чураевского *Sturm und Drang*⁶, когда на платформе ХСМЛ⁶ он возводил причудливое сооружение из общеэмигрантского евразийства, сибирского областничества и «Живой Этики» Николая и Елены Рерихов [см: Росов, 2009; 2018а, с, d; Забияко, 2007, с. 68–88; 2014, с. 249; Забияко, Крыжанская, 2010].

Владимир Слободчиков вспоминал о поэтической студии «Чураевки»:

В студии царила сугубо деловая атмосфера, и поначалу основное внимание уделялось вопросам стихосложения, изучались труды В. Брюсова («Основы стиховедения»), Б. Томашевского («Теория литературы»), В. Жирмунского («Теория стиха» и «Рифма, ее история и теория»), А. Белого («Символизм») и практическое руководство Н. Шульговского («Теория и практика поэтического творчества»). Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов. Хотя предполагалось, что теоретические знания должны быть приобретены всеми студийцами (чего, разумеется, в полной мере не было и не могло быть), главным в работе считалось владение поэтическим мастерством [Слободчиков, 2005, с. 142].

Возглавлял студийную работу поэт Николай Щеголев, в то время как серьезный уровень включенности самого Ачаира в штудии по теории и технике стиха вызывает сомнения. 28 марта 1927 г. он, например, писал Г.П. Гребенцову:

Работать все-таки надо: молодежи нужна поддержка, и поддержка ка моральная. Я сейчас редактирую маленький журнал юношеский

⁶ С 1924 г. Ачаир занимал пост старшего русского секретаря ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей; то же, что YMCA – Young Men's Christian Association (англ.)). В ведомственной справке, сохранившейся в деле Ачаира в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), говорилось: «Официальная деятельность ХСМЛ. ХСМЛ является мировой организацией, имеющей свои отделения почти во всех странах мира. Официально задачей ХСМЛ является воспитание молодого поколения в духе христианства и культурная помощь тем странам, на территории которых находится ХСМЛ <...> Истинная цель существования ХСМЛ. В Маньчжу Ди-Го ХСМЛ является американской организацией. Здесь он выполняет две задачи: пропагандирует идеи, необходимые для политики Америки; содействует шпионской работе Америки в крае» [цит. по: Забияко, 2007, с. 75–76]. Показательна эпиграмма «темного гения» «Молодой Чураевки», поэта Николая Петереца (1907–1944):

*Вторники чураевские – гроб,
Где всегда прославленный в народе
Ачаир, американский поп,
Ныне областничество разводит.*

[цит. по: Волин, 1997, с. 227]

(имеется в виду «ХСМЛ журнал». – И.Л., И.П.), выходит ежемесячно по 40 страничек, и там молодежь из кружка при этом журнале (по возрасту 15–19 лет) – всего человек 20 – просила меня как-то обязательно написать Вам письмо и просить Вас ответить ей: что читать по теории художественной прозы и по версификации. Образцы? Была у меня, помню, Шебуева «Версификация», давно только... Да мне она не пригодилась, хотя, несомненно, многое я с удовольствием прочел. И главный их вопрос (так они меня и спросили): можно ли писать о Сибири? И как надо писать о Сибири, чтобы полно охватить всю Сибирскую Русь? Как мог – я им ответил. Мне не о чем думать, кроме Сибири. Хотя есть у меня и другие мечты и думы, но они – вечны, больше, шире, чем все земные страны [цит. по: Росов, 2009, с. 244].

Насколько можно судить по ответу, Гребенщиков не очень отчетливо представлял себе границы термина «версификация»:

Вот и давайте, открывайте там, в Харбине, отделение Чураевки – свой кусок земли, свой дом, своя инициатива, творчество – и теория, слова – прямо в действие, в веселую забаву.

И вопрос «о версификации» сразу получит разительный ответ: нет более прекрасного источника для художественной прозы, для стиха, для всех родов творчества, как деятельнейшее участие в каком-либо созидании, постоянное стремление что-то свое сделать лучше, красивее – и слова тогда берутся прямо из лучей солнца. <...>

Сказки, былины, сказания, лубочные песенники, народная речь прямо на базаре – вот где лучшая версификация прозы. А потом каждый дает свою манеру, свою музыку, только не надо никаких модернов, никаких погонь за эпохой – все это умирает через год-два и не оставляет даже следов. А вечное, а библейски-простое, эпически-спокойное будет вечно жить и увлекать, как бесконечный путь вперед, к неведомым горизонтам [цит. по Росов, 2009, с. 248–249].

Судя по воспоминаниям В.А. Слободчикова, эстетика и поэтика студийцев ориентировалась на модерн, но не на авангард, – не только в раннесоветском, но и более широком смысле, – к которому, несомненно, принадлежали поэмы Цветаевой:

Мы все отрицательно относились к футуристам с их псевдореволюционным энтузиазмом. Их декларация, опубликованная в сборнике «Пощечина общественному вкусу» и подписанная Бурлюком, Хлебниковым, Маяковским и Крученых с призывом «сбросить Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности», не вызывала даже соболезнования.

Вычурность не пользовалась уважением студийцев, однако стихи нашего председателя Николая Щеголева с явными ее признаками привлекала аудиторию [Слободчиков, 2005, с. 145].

Наконец, поэма «Казаки» важна для понимания литературного пути самого Ачаира. Это самое крупное по объему и значительное по масштабу замысла из дошедших до нас сочинений поэта, единственная подготовленная им к печати поэма. Еще одна, «Борис Савинков», была найдена и опубликована В.А. Росовым [см.: Ачаир, 2013b; Росов, 2018b]; она отмечена определенным ее ритмико-интонационный строй влиянием Гумилева. Сохранившийся фрагмент его первой поэмы, «Огляда» (1922) [Ачаир, 2009, с. 368–372], свидетельствует о знакомстве автора с «Песней о Гайавате» в переводе Ивана Бунина. В письме к И.А. Якушеву от 15 марта 1930 г. Ачаир упоминал еще одно не дошедшее до нас, как и многие другие, из-за драматический перипетий жизни поэта, сочинение, относящееся к большой форме (поэма или цикл стихотворений): «Я хочу напечатать в “Воле России” мою полу-поэму: “Эй, люди!”, которую, м<ежду> пр<очим>, я посвятил Марине Цветаевой»⁷.

Говоря об «авторских интертекстах из “Крысолова”» в «Перекопе», О.Г. Ревзина писала: «Воздержимся от ответа на вопрос, насколько <...> переключка текстов двух поэм входила в сознательный замысел Цветаевой. Однако факт налицо: то, что на уровне внетекстовой действительности предстает как разное и оценивается по-разному, сквозь призму текста обнаруживает сходство» [Ревзина, 2009, с. 207–208]. Если сюжет в «Крысолове» поддерживается общеизвестной сказочной фабулой, то в «Перекопе» Цветаевой понадобилось обоснование последовательности глав в дневниковой природе их «первоисточника» («Последнего Перекопа не написала – потому что дневника уже не было, а сам перекопец <...> к Перекопу уже остыл» [Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 178]). Ачаир внедряет в художественную ткань «Казаков» сюжет романного типа («роман в стихах»), однако в итоге читатель может составить лишь смутное представление об отношениях и перипетиях, связывающих персонажей: Владимира Чагина, Василия Ченцова, Любовь Сергеевну и Варвару.

Любопытно, что открывают цветаевский «Перекоп» строки, отсылающие к сибирской памяти (Чехословацкий корпус, тиф, Колчак):

– Каб не чех!
– Каб не тиф!
Кто-то: – эх!
Кто-то: – жив

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 37.

бы Колчак...
 Солнцепёк.
 Солончак.
 Перекоп –

Наш.

[Цветаяева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 148]

Допустимо (хоть и вряд ли вероятно), что в руки Цветаяевой все же попала харбинская поэма – в рукописи, через Ивана Якушева, как просил Ачаир, не знавший о ее переезде во Францию в 1925 г. В таком случае это чтение могло стать импульсом к началу работы над «Перекопом» («Начат 1-го августа 1928 г. в Понтайяке (Жиронда) / Кончен 15 мая 1929 г., в Медоне» [Цветаяева, 1997, с. 178]) – поэмой, которую можно было бы противопоставить творению подражателя. В казачьей поэме Ачаира, как, например, и в отвергнутом Цветаяевой – редактором «Ковчеха» – стихотворении «Разлучная» поэта «Пражского скита» Александра Туринцева, отчетливо «угадывается влияние новой поэтики Цветаяевой, ее напряженный синтаксис, назывные конструкции, задающие ритм, звуковое уподобление слов. Художественный прием, призванный найти новое выражение через возможности слова и синтаксиса, подчеркнув бесконечность значений поэтических форм, в “Разлучной” дискредитирует себя. <...> Накладывая вето на публикацию стихотворения, Цветаяева избежала возможного параллелизма “Разлучной” со своими произведениями» [Егорова, 2013, с. 217].

Благодаря стихийно-протеическому характеру своей музыки, Ачаир достаточно точно воспроизводит поверхностные черты поэтики цветаяевского «Крысолова» (и еще не написанного «Перекопа»), вплоть до графического оформления текста и пунктуационной бижутерии. Это, например, и членение слова на слоги с помощью окруженных пробелами тире, а не привычных дефисов (*– Шко – ля – ры!* или финальное *Лу – зы – ри* у Цветаяевой [Цветаяева, 1994–1995, т. 3, кн. 1, с. 102, 108]; *Се – ве – ря – на!* у Ачаира (295)), и сдвинутые вправо и взятые в скобки подобию театральных ремарок ((*Тоном заговора*), (*Сияясь выговорить*)) [Цветаяева, 1994–1995, т. 3, кн. 1, с. 68]; ((*Вальс*), (*Буфет*), (*У стойки*)) у Ачаира (295, 297)).

Вместе с тем, художественная природа «Крысолова», кажется, вовсе не учитывается им.

Особенно наглядно это проявилось, например, в репликах рыночных зазывал из двух поэм; при внешнем сходстве «лирическая сатира» почти курьезным образом оборачивается евразийско-областнической идиллией:

– *Ó* – воци да с гряды!
 – *Сó* – вести для судьи!

Кур – ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежі, с постельки
Вдовицы-коротельки. <...>

Но – сы приплюснутые:
 – *Чего бы* вкусенького?
Ла – дошки – ширмочками:
 – *Чего бы* жиренького?

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 62]

Поволжье и барки.
Товарки.
Сударки.
Пельмени горячи!
Пельмени горячи!

Самара. Сарепта.
Сарепта. Горчица.
А хлеб-то, а хлеб-то!..
Ползет, волочится...

(320)

Необычная рифма, требующая от читателя задуматься – на какой слог в звукоподражании приходится ударение? – несомненно, восходит к «Крысолову»:

Задрыгали – *зашмыгали*
пимами – *как ежи*.
У шапок уши: дрыг-дрыг-дрыг...
 – *Скажи-ка!.. расскажи!..*

(294)

Ред – *ко* – *сти...*
Хит – *ро* – *сти...*
 – *Кхе-кхе-кхе...*
 – *Кхи-кхи-кхи...* <...>

– *Грех-таки...*
 – *Стыд-таки...*
 – *Кхе-кхе-кхе...*
 – *Кхи-кхи-кхи...*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 63]

Перечисление «общих мест» школьной премудрости у Цветаевой –

*Гунны – конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит – плюс.
Цезарь – немец.
Сейчас проснусь.*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 101]

– отозвалось у Ачаира, кажется, в перечислении имен ученых, по книгам которых учились персонажи поэмы в Московском университете:

*Тóры-тóры...
разговоры.
Снег и ветер
на дворе.
А узоры-то
узоры
на завешанном
окне!*

*Полка. Книжки.
Фортунагов...
Иверонов.
Каблуков...*

*– Кика!
– Что надо?
– Чай скоро?
– Готов!..*

(316)

В поэме встречаются внутрисловесные переносы и другие, иной раз не лишённые оригинальности, вариации на темы поэтической техники поэм Цветаевой:

*На десятке сошлись,
а то ка-
тор-
га.
– Провокатор?
– Да!*

(309)

*– Рай – рай – ри-ри-ри!..
Рай – рай – ри-та-тай!..
Ах, Чагин... Вла-ди-мир!..
под-дай, брат, под-дай!*

(304)

*В зное – рек ли?
В жаре – в пекле –
по песку – казачья жизнь.
Пыль – дорога гнется петлей.
Подтянул подпругу – нет ли –
– Са – ди – и – сь!..*

(293)

*У самой норы хвост волочил!..
– Сво-ло-чи!..*

(307)

В тексте «Казачков» можно найти немало подобных случаев.

Важно помнить о мелодекламационной практике Ачаира, очаровавшей современников, особенно молодежь. Приведем два мемуарных свидетельства, авторы которых приводят в качестве примеров именно фрагменты поэмы «Казачки»:

Инициатором Чураевки был молодой казачий офицер, белопоходник, Алексей Алексеевич Грызов, писавший под псевдонимом Ачаир (Ачаир – сибирская станица, где он родился). Он был очень музыкален, сам подбирал к своим стихам музыку. Поэму «Казачки» он читал, аккомпанируя себе на рояли, легким задорным стаккато:

*Стукоток стукоток
Топоток топоток
На восток...*

В музыке, в стихах, которые, казалось, лязгали как копыта на мерзлом снегу, слышалась летевшая на конях, не покорившаяся красным, казачья Сибирь.

Всеволод Иванов⁸, редактор большой газеты «Гун Бао», сам считавший себя поэтом, брюзжал:

– Язык дан человеку, чтобы выражать мысли, а не лязг копыт. <...> Хрупкий, несмотря на свой высокий рост, белокурый и голубоглазый, типичный северянин, Ачаир мало напоминал сибирского казака – они большей частью коренастые, смуглые, черноволосые. Застенчив он был, как девушка, на эстраде Чураевки выступал не так часто, вероятно – из деликатности, чтобы не получалось, что «хозяину аплодируют в силу его хозяйского положения». Гораздо чаще слышала

⁸ Имеется в виду писатель, поэт и журналист Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971), тезка автора повести «Бронепоезд 14-69».

я его на других вечерах, куда его приглашали нарасхват [Крузенштерн-Петерс, 1968, с. 51].

Внешний облик поэта помню отлично. Это был довольно высокий, белолицый, очень мягкий, безусловно вежливый человек. Из-за какой-то контузии во время гражданской войны у него бегали глаза, и гимназисты тоже от него бегали, ибо не любили его многословных поучений о пользе добра.

Таким же – многословным, утомительным, но чистейшим человеком был Ачаир и в своих стихах, которые, впрочем, выигрывали при чтении их под аккомпанемент рояля. Ачаир сам подбирал к ним музыку, и всегдагдаги открытых вечеров Чураевки (по вторникам) очень любили его «Пичугу», «Тянь-шань», «Стукоток-топоток»⁹ [Перелешин, 1972, с. 5].

У поэмы нашлись поклонники в эстетически консервативной среде старых областников: «Известный государственный деятель, агроном и сибиряк И.К. Окулич <(1871–1949)>, проживавший в эмиграции в Канаде, отозвался на эту публикацию в письме к Якушеву от 21 декабря 1929 года: “Стихи Грызова удивительны. В первый момент кажутся набором слов, какой-то декаденщиной, а потом улавливаешь целую картину”» [Росов, 2018с, с. 85].

Газетные рецензенты были менее доброжелательны:

Что сказать о «Казаках» А. Ачаира, названных «поэмой». Написана она рваным стихом, искусственным и иногда искусным, но, в общем, это манера, и манера скучная. Но некоторые картинки, написанные мазками, вышли удачными из-под пера несомненно талантливого автора. Больше бы ему простоты, вместо погони за модернизмом [Могилянский, 1930, с. 6].

Парижский рецензент не удостоил поэму даже упоминанием имени ее автора¹⁰: «невразумительная, щелкающая короткими строками, как горохом, длиннейшая поэма “Казаки”, вольные упражнения по образцам Маяковского» (К. [Рец. на:] «Вольная Сибирь» <VI–VIII> // Возрождение [La Renaissance] (Париж). 1930. Vol. 5. № 1674. 1 янв. С. 5).

⁹ «Тянь-шань», «Стукоток-топоток» – несомненно, отрывки из «Казаков»; стихотворение «Пичуга» («О, я в Испании не был...», 1930) Ачаир включил в свою книгу «Тропы» [Ачаир, 1939, с. 52–53].

¹⁰ Поэма и ее автор полностью были названы в анонсе, сообщавшем о выходе в свет пятого выпуска «Вольной Сибири» («Возрождение» [Париж], 1929. Vol. 4. № 1424. 26 апр. С. 5).

«Возрождение» вообще выражало скепсис по поводу направления издания – в тоне, напоминающем литературную колонку Гулливера (общий псевдоним В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой):

В Праге выходит на русском языке альманах или литературный сборник «Вольная Сибирь». Тон альманаху дают сибиряки-областники, требующие автономии или даже государственной самостоятельности. Так, некто г. Якушев пишет в последнем номере: «Сибирское областничество не предрешает вопроса о путях имперского строительства. Оно одинаково способно удовлетвориться и на путях сложного унитарного государства, с предоставлением Сибири автономии, как и на путях союзного государства, с предоставлением ей прав штата или частного государства. <...> Вот почему мы являемся не только республиканцами и демократами, но вместе с тем и федералистами. Ибо путь федерации дает все преимущества объединения национальностей и областей России, без тех недостатков централизованного, механического объединения, чем сильно страдала царская Россия, и о чем так много в свое время писали старые областники». Не знаем, от имени кого г. Якушев говорить это «мы» и какие силы¹¹ за «мы» скрываются. Возможно даже, что и ничего не скрывается ([Без подписи] Печать // Возрождение [(La Renaissance) (Париж). 1930. Vol. 6, № 2024, 17 дек. С. 3).

В поэме встречаются лишь небольшие участки текста, в которых можно усмотреть «вольные упражнения по образцам Маяковского». Это касается преимущественно графического оформления стиха («лесенка», которая и у Маяковского, и у Цветаевой восходит к графике Андрея Белого), в то время как в интонации продолжает слышаться «что-то цветаевское»:

¹¹ Несмотря на мистический смысл, вкладываемый Ачаиром в понятие «Сибирские силы», в его переписке с Гребенчиковым заходит речь и об установочном докладе Л.Д. Троцкого «О Сибири» [см.: Тоцкий, 1927; Росов, 2009, с. 255]. Об отзыве анонима Ачаир писал Якушеву 15 марта 1930 г.: «Между прочим, Тамара Андреева очень обижена на отзыв в “Возрождении”. На днях она с присущим ей энтузиазмом (или как иначе?) выражала мне свое возмущение по этому поводу. Впрочем, по адресу некоторых Европейских эмигрантских изданий у нас, восточников, нередко можно слышать такие эпитеты, вроде: “приют для хроников”, “убежище престарелых литераторов” и т. д. Но мы, здешние, конечно, б<ыть> м<ожет> уж слишком запальчивы» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 37). Тамара Петровна Андреева (?–?) – харбинская поэтесса, принадлежавшая кружку «Акмэ»; в конце 1920-х гг. переехала в США.

Гук –
 Крик –
 Гук –
 Миг –
 День – лик.
 Лес пик...
 (325)

За именем Маяковского в парижской рецензии стоит некоторое обобщенно-пренебрежительное отношение к «новым веяниям» в поэзии.

Сегодняшние исследователи вспоминают в связи с «Казачками» имена Блока, Маяковского и Цветаевой, оценивая ее достоинства порой противоположным образом: «По масштабу литературного решения и идейному замыслу “Казачки” соперничают с блоковской поэмой “Двенадцать” (в одном случае изображена русская революция, в другом – Гражданская война), хотя любимым поэтом Ачаира является все-таки не Александр Блок, а Марина Цветаева» [Росов, 2018b, с. 72]. «В поэме А. Ачаира “Казачки”, написанной в стиле “Двенадцати” А. Блока, но отличающейся отсутствием художественной формы, единства стиля и беспомощным подражателем, рассказывается о попытках создания автономии в Сибири» [Барсукова, 2006, с. 69; 2008, с. 152]. Можно понять и принять, кажется, обе оценки. Поэма и сегодня способна произвести сильное впечатление – в ней явственно дышат «почва и судьба», но в первую очередь – благодаря отраженному свету открытий Цветаевой в области «большой формы». С другой стороны – знакомство с ее текстом способно вызвать досаду: поэту нередко изменяет «чувство слова», а несомненная вторичность и неудачно организованный сюжет оставляют скорее мозаичное, чем целостное впечатление.

Влияние «Двенадцати»¹², кажется, можно усмотреть лишь в той степени, в какой поэма Блока повлияла на судьбу лиро-эпических жанров в XX в.: совпадение «Товарищ! Гляди / В оба!» у Блока и «Выхлест – глаз / смотрит... / В оба!» у Ачаира (308) (курсив наш. – И.Л., И.П.)

¹² В письме от 7 сентября 1927 г. Гребенщиков наставлял Ачаира: «Так как мы Русские и нам понятнее русские пути познания блага, изучите жизнь Св. Сергия Радонежского, хотя бы по Ключевскому и по Борису Зайцеву, и Вам тогда станет ясно, что подвиг строителя Русской Общины Сергия есть тот же путь, которым шел космически-неподражаемый Общинник Будда. И лишь тогда станет во весь рост великий приход и подвиг Христа, истинное учение которого до наших дней не было применено в действительной жизни. И немногим из нас предстоит нести прекрасный подвиг насаждения царствия Божия на земле. Когда же мы научимся шире мыслить и обобщать, мы прекрасно пойдем и “Двенадцать” А. Блока, у которого разбойников ведет Христос. Куда Он их ведет? – Очевидно, к мучительному, жуткому, но и сужденному сроку сметения с лица земли уродливых форм жизни и к открытию дверей в новую эпоху» [Цит. по: Росов, 2009, с. 255].

вряд ли дает основания для сопоставления. Вместе с тем, в отдельных участках большой поэмы без труда опознаваемы и другие, нецветаевские источники для подражания.

Начало главы II («В станице») неожиданно воспроизводит ритмико-интонационный и отчасти образный строй стихотворения Иннокентия Анненского «Снег» из «Трилистника ледяного» (1909):

*Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.*

[Анненский, 1990, с. 114]

*На морозце крепчатом –
ледяные пути
Со двора казачатам
надо коней вести.*

(293)

Особого разговора заслуживают другие влияния, так или иначе связанные с Маяковским и советской поэзией.

Это поэма Велимира Хлебникова «Настоящее», изданная в Москве в 1926 г., и поэма Ильи Сельвинского «Улялаевщина», отрывки из которой стали появляться в советской печати с 1925 г.

Отголоски полифонии блоковской поэмы «Двенадцать» если и слышны, то через раешник Хлебникова:

*Кто?
– Люди!
А, бог на блюде!
Подан.
– Бог на брюхе!
– С новым годом!
Пли!
Одною меньше мухой.
Пли!
Шашка сбоку!
– К сроку!
С глазами борова
Свинья в котле.
– Здорово.
Рази и грей!
В посылке – олово.
Священник!
– Милости просим!
– Алых денег
Бросим!*

[Хлебников, 1926, с. 12]

У Ачаира, в одной из самых «новаторских» глав («III. Вечер в военном лагере»):

(Карточная)

- *Семь пик!..*
- *Семь треф!..*
- *А я держу!..*
- *Ну – восемь!..*
- *Просим!..*

(Биллиардная)

- *В лузу... – Ловко!..*
- *Дуплетом в угол уложу!..*
- *Прошу!..*
- *Ах, чтоб ее, чертовка!..*

(295)

«Сказка про Северяну» (персонификация Сибири), которую рассказывает в поэме Ачаира старик Ермолаич, написана, в подражание Сельвинскому, неурегулированным тактовым стихом «Улялаевщины». Видимо, оценив убедительность тактовика для поэтической передачи просторечия (или ритмико-интонационного впечатления, которое он производит), Ачаир смело переносит этот размер в главах II и XIV на имитацию характерных особенностей речи старого сибиряка Тихона Ермолаевича – правда, «разнося» длинный, как у Сельвинского, стих, на 2–3 короткие (как у Цветаевой) строки. Позволим себе при цитировании обозначить авторские границы стихов знаком дробки:

*А как встанет / во весь рост – / как встанет...
Сердце захлестнется – / ноги – хрупь.
Голова дурманится: / чешуйчатый хвост – / Господи, – достанет!..
Человек – / а валится – / в прорубь, / в глубь...*

(294)

В последней главе поэмы скинут и этот графический камуфляж:

*Вот твоя мать-то, Любава, к нам раз
из городу приехала – молодой еще –
Ермолаич-то созвал всех нас,
ну и ее, конечно – на сборище! <...>*

*А потом... теперь вот... Она да ты...
Да вот я... Старый с малым, да баба...
Говорится – друзья!.. Эх, отец, кабы!..
Да, ну где ж его взять-то? папу!..*

*«Казачи – точно птицы, им – летать да расти...»
 пел он мальчиком, эдак с тебя вот...
 Ну и вот – улетел. Свет – бескрайный, велик!..
 Ты вот мать береги!.. Любаву!..*

(330–331)

К знакомству с творчеством Сельвинского и других конструктивистов восходит у Ачаира, видимо, и задача имитации народной сибирской речи, которую он решил прямым наложением диалектных форм на восходящий к Анненскому двустопный анапест, что производит впечатление курьеза:

*Да старик Ермолаич,
 желто-серый – как снег:
 – Чо, аль сказку жалате?
 Рассказать вам, аль нет?
 (294)*

Когда в «Перекопе» народную речь (*землячки сговариваются*) потребовалось передать Цветаевой – это получилось у нее и компактнее, и элегантнее, и убедительнее:

*Пот-то – наш,
 И власть – нам.
 Понимаешь?
 – Понимаю.*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 159]

В письмах к Р.Н. Ломоносовой (от 1 февраля 1930 г.)¹³ и к В.В. Рудневу (2 мая 1924)¹⁴ Марина Цветаева упоминала о некоем друге и корреспонденте из Харбина, не упоминая его имени. Скорее всего, она имела в виду Арсения Несмелова: «*Большая* просьба: т.к., очевидно, мои стихи “Ода пешему ходу” в С<овременных> З<аписках> не пойдут, верните мне их, пожалуйста, чтобы не про работа по переписке, – м<ожет> б<ыть> еще куда-нибудь пристрою, а нет – отправлю

¹³ «Есть у меня друг в Харбине. Думаю о нем всегда, не пишу никогда. Чувство, что из такой, верней, на такой дали всё само-собой слышно, видно, ведомо – как на том свете – что писать потому невозможно, что – не нужно. На такие дали – только стихи. Или сны» [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 316]. В комментарии о харбинском друге говорится: «вероятнее всего, Несмелов Арсений (настоящие имя и фамилия Арсений Иванович Митропольский; 1889–1945) – поэт. Находился под влиянием Цветаевой, с которой, по ряду свидетельств, состоял в длительной переписке» [Там же, с. 343].

¹⁴ Корреспондент в Эстонии – Юрий Иваск. Свод сведений о контактах и пересечении Цветаевой с Арсением Несмеловым см. в развернутом комментарии: [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 324–325]. См. также: [Забияко, 2012; Войтехович, 2018а, 2018б].

кому-нибудь из моих далеких корреспондентов (в Харбине, есть в Эстонии) которому это будет – радость» [Цветаева, 2016, с. 226].

Объединив вокруг задачи пропаганды областнических идей средствами поэзии наиболее «левые», авангардные тенденции как эмигрантской (Цветаева), так и советской (Сельвинский) поэзии, Ачаир не встретил, кажется, понимания ни в литературном, ни в «областническом» мирах, и этот опыт не получил продолжения ни в его собственной поэзии, ни у «птенцов» «Чураевского питомника». Нет сомнений, что, прочитав «Крысолова», он в полной мере оценил его новаторский потенциал – и решил поставить приемы поэтики Цветаевой на службу идеологической пропаганде (и в самом деле едва ли не по-маяковски) и своим педагогическим задачам (см. об этом: [Росов, 2018d], а также главу «“Здравствуй, племя младое” (Педагогическая и просветительская деятельность Ачаира» в [Забияко, 2007, с. 62–88]): привлечь литературную (и не только) молодежь к идеям и лозунгам сибирских областников. Опыт получил достаточно глухой резонанс и остался без продолжения, но «Казак» А. Ачаира, несомненно, являются своеобразным, даже уникальным в своем роде памятником русской словесности Тихоокеанского региона.

Библиографический список / References

Анненский, 1990 – Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. Л., 1990. [Annensky I.F. Stikhotvoreniya i tragedii [Poems and tragedies]. V. Fedorov (ed.). Leningrad, 1990. (In Rus.)]

Ачаир, 1925 – Ачаир. Первая: Книга стихов. Харбин, 1925. [Achair. Pervaja: Kniga stihov [The First: The book of poems]. Harbin, 1925.]

Ачаир, 1929 – Ачаир А. Казаки // Вольная Сибирь [Volná Sibiř] / Под общ. ред. И.А. Якушева. V. Общественно-литературный и экономический сборник [Veřejný, literární a hospodářský sborník]. С. 14–23; VI–VII. Литературно-общественный и экономический сборник [Literární, veřejný a hospodářský sborník]. С. 29–39. Прага, 1929. [Achair A. Kazaki. *Volná Sibiř*. I.A. Yakushev (ed.). V. *Veřejný, literární a hospodářský sborník*. Pp. 14–23.; VI–VII. *Literární, veřejný a hospodářský sborník*. Pp. 29–39. Praga, 1929. (In Rus.)]

Ачаир, 1939 – Ачаир А. Тропы: Стихи. Харбин, 1939. [Achair A. Тропы [Paths]. Harbin, 1939.]

Ачаир, 2004 – Ачаир А.А. Стихотворения: В 2 т. / Сост. Ю.А. Тарала. Сан-Франциско, 2004. [Achair A.A. Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. Ju.A. Tarala (ed.). San Francisco, 2004.]

Ачаир, 2009 – Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог... Стихотворения / Сост. Ю.А. Тарала; Предисл. Е. Таскиной. М., 2009. [Achair A. *Mne kto-to beskonечно dorog...: Stikhotvoreniya* [Someone is infinitely dear to me..., Poems]. Ju. Tarala, E. Taskina (eds.). Moscow, 2009.]

Ачаир, 2013а – Ачаир А. Дорога к дому: Стихотворения, письма, документы / Сост. и предисл. А.А. Горшенина; Отв. ред. Н.И. Левченко. Новосибирск, 2013. [Achair A. *Doroga k domu: Stihotvorenija, pisma, dokumenty* [The road to home: Poems, letters, documents]. N.I. Levchenko (ed.). Novosibirsk, 2013.]

Ачаир, 2013б – Ачаир А.А. Борис Савинков: Поэма / Предисл. В.А. Росова // Сибирские огни. 2013. № 10. С. 124–132. [Achair A.A. Boris Savinkov: Poem. V.A. Rosov (ed.). *Sibirskie ogni*. 2013. No. 10. Pp. 124–132. (In Rus.)]

Барсукова, 2006 – Барсукова Н.А. Издательская и библиотечно-библиографическая деятельность общества сибиряков в Чехословакии: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. [Barsukova N.A. *Izdatelskaya i bibliotечно-bibliograficheskaya deyatelnost obshchestva sibiryakov v Chekhoslovakii* [Publishing, library and bibliographic activities of the Society of Siberians in Czechoslovakia]. PhD dis. Novosibirsk, 2006.]

Барсукова, 2008 – Барсукова Н.А. Литературно-художественные произведения на страницах альманаха «Вольная Сибирь» (Чехословакия, 1926–1935) // V Юдинские чтения: Материалы научно-практической конференции (Красноярск, 9–12 октября 2007 г.). Красноярск, 2008. С. 148–153. [Barsukova N.A. *Literary and artistic works on the pages of the almanac “Volná Sibiř” (Czechoslovakia, 1926–1935). V Judinskje chtenija: materialy nauchno-praktičeskoj konferencii (Krasnojarsk, 9–12 oktjabrja 2007 g.)*. Krasnojarsk, 2008. Pp. 148–153. (In Rus.)]

Бузуев, 2001 – Хроника литературной жизни русского зарубежья: Харбин и Китай (1918–1945) / Сост. О.А. Бузуев // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 380–409. [Buzuev O.A. *Chronicle of the literary life of the Russian diaspora: Harbin and China (1918–1945)*. *Literaturovedčeskij zhurnal*. 2001. No. 15. Pp. 380–409. (In Rus.)]

Войтехович, 2018а – Войтехович Р.С. «Переливчатые цвета и вы...»: Цветаева в поэзии Арсения Несмелова // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции: Сб. ст. / Под ред. А.А. Данилевского, С.Н. Доценко. М., 2018. С. 91–102. [Voitekhovich R.S. “Iridescent colors and you...”: Tsvetaeva in the poetry of Arseny Nesmelov. «Svoï» vs «Drugoi» v kulture emigratsii. A.A. Danilevskii, S.N. Dotsenko (eds.). Moscow, 2018. Pp. 91–102. (In Rus.)]

Войтехович, 2018б – Войтехович Р.С. Цветаева и Китай // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 201–211. [Voitekhovich R.S. *Tsvetaeva and China*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. Issue 16 (811). Pp. 201–211. (In Rus.)]

Волин, 1997 – Волин М. Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 216–240. [Volin M. *Death of Young Churaevka*. *Novyj zhurnal (New-York)*. 1997. Issue 209. Pp. 216–240. (In Rus.)]

Егорова, 2013 – Егорова Кс. Об одном случае редакторской работы Марины Цветаевой // Русская филология. 24: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2013. С. 209–224. [Egorova Ks. *On one case of editorial work by Marina Tsvetaeva*. *Russkaya filologiya*. 24. Tartu, 2013. Pp. 209–224. (In Rus.)]

Забияко, 2007 – Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2007. [Zabijako A.A. *Tropa sudby Alekseja Achaira* [The path of fate of Alexei Achair]. *Blagoveshhensk*, 2007.]

Забияко, 2012 – Забияко А.А. «Мои это годы, моя это боль и судьба!» // Щеголев Н.А. Победное отчаянье: Собрание сочинений / Сост. А.А. Забияко и В.А. Резвого. М., 2014. С. 238–309. [Zabijako A.A. “These are my years, my pain

and fate!”. *Shhegolev N.A. Pobednoe otchajanye*. Collected works. A.A. Zabijako, V.A. Rezvuj (eds.). Moscow, 2014. Pp. 238–309. (In Rus.)]

Забяико, 2012 – Забяико А. А. Эхо ранней лирики М. Цветаевой в зрелом творчестве А. Несмелова: Метапозтика аналогий // 1910 – год вступления Марины Цветаевой в литературу: XVI Междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 8–10 окт. 2010 г.): Сб. докл. / Сост. И.Ю. Белякова. М., 2012. С. 173–186. [Zabiyako A.A. Echoes of M. Tsvetaeva’s early lyrics in A. Nesmelov’s mature works: Metapoetics of analogies. 1910 – god vstupleniya Mariny Tsvetaevoi v literature. I.Yu. Belyakova (ed.). Moscow, 2012. Pp. 173–186. (In Rus.)]

Забяико, Крыжанская, 2010 – Забяико А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: Идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сб. материалов междунар. научно-практической конф. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 197–219. [Zabiyako A.A., Kryzhanskaja K.A. Correspondence of A. Achair and G. Grebenshchikov: Ideas of “Siberian regionalism” in the context of the individual religiosity of the Harbin poet. *Rossija i Kitaj na dal’nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitaytsy: regionalnye problemy etnokulturnogo vzaimodeystviya*. Issue 9. Blagoveshhensk, 2010. Pp. 197–219. (In Rus.)]

Крузенштерн-Петерец, 1968 – Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) // Возрождение [(La Renaissance) (Париж). 1968. № 204. С. 45–70. [Kruzenshtern-Peterec Ju.V. Churaevsky nursery (About the Far Eastern poets). *Vozrozhdenie [The Renaissance]* (Paris). 1968. No. 204. Pp. 45–70. (In Rus.)]

Лоцилов, Полторацкий, 2021 – Лоцилов И.Е., Полторацкий И.С. «Первая областническая сибирская поэма...»: Алексей Ачаир, «Казачи» (1927) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 281–337. [Loshchilov I.E., Poltoratskii I.S. “The first regional Siberian poem...”: Alexey Achair, “Cossacks” (1927). *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2021. No. 1. Pp. 281–337. (In Rus.)]

Мнухин, 2000 – Мнухин Л.А. Марина Цветаева и российские поэты Китая // Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник (Торонто). 2000. № 7. С. 285–299. [Mnuhin L.A. Marina Tsvetaeva and Russian poets of China. *Rossijane v Azii: Literaturno-istoricheskij ezhegodnik [Russians in Asia: Literary and Historical Yearbook]* (Toronto). 2000. No. 7. Pp. 285–299. (In Rus.)]

Мнухин, 2003 – Мнухин Л. А. Марина Цветаева и российские поэты Китая // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшево: Сб. докладов. М.; Болшево, 2003. С. 72–88. [Mnuhin L.A. Marina Tsvetaeva and Russian poets of China. *Marina Tsvetaeva v XXI veke: XIII i XIV Tsvetaevskie chteniya v Bolshevo*. Moscow; Bolshevo, 2003. Pp. 72–88. (In Rus.)]

Могиланский, 1929 – Могиланский Н. [Рец. на:] «Вольная Сибирь». Общественно-литературный и экономический сборник. VI–VII. Прага, 1929 г. С. 176. Приложение: «Сибирский архив». II. С. 51–102 // Сегодня (Рига). 1930. № 20, 20 янв. С. 6. [Mogiljanskij N. [Review of:] “Volnā Sibiř”. *Literární, veřejný a hospodářský sborník*. VI–VII. Praga, 1929. P. 176. Appendix: Siberian Archive. II. P. 51–102. *Segodnja* (Riga). 1930. No. 20. P. 6. (In Rus.)]

Осокин, 1939 – Осокин С. [Рец. на:] Н. Туроверов. Стихи. – Безансон, 1939 г.; Л. Хаиндрова. Ступени. Стихи. – Харбин, 1939 г.; А. Ачаир. Тропы.

Стихи. – Харбин, 1939 г.; А. Жемчужный. Северные отблески. Стихи. – Тяньцзинь, 1938 г. // Русские записки: Ежемесячный журнал (Париж). 1939. Кн. XVII, май. С. 199–200. [Osokin S. [Review of:] N. Turoverov. Poems. – Besançon, 1939; L. Khaandrova. Steps. Poems. – Harbin, 1939; A. Achair. Forest Paths. Poems. – Harbin, 1939; A. Zhemchuzhnyi. Northern reflections. Poems. – Tianjin, 1938. *Russkie zapiski: Ezhemesyachnyi zhurnal* (Paris). 1939. Issue XVII. Pp. 199–200. (In Rus.)]

Перелешин, 1982 – Перелешин В. Конец Алексея Ачаира // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1972. Vol. LXII. No. 22.825. С. 5. [Pereleshin V. The end of Alexei Achair. *Novoe russkoe slovo* (New-York). 1972. Vol. LXII. No. 22.825. P. 5. (In Rus.)]

Пильский, 1939 – П-ий П. [Пильский П.]. Тропы. Новая книга стихов Алексея Ачаира. Харбин. 1939 г. [Рец.] // Сегодня (Рига). 1939. № 106, 17 апр. С. 6. [P-ii P. [Pil'skii P.]. Paths. A new book of poems by Alexei Achair. Harbin. 1939. [Review]. *Segodnya* (Riga). 1939. No. 106. P. 6. (In Rus.)]

Ревзина, 2009 – Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009. [Revzina O.G. *Bezmernaja Tsvetaeva: Opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta* [Tsvetaeva with no end. An experience of systemic description of poetic idiolect]. Moscow, 2009.]

Резникова, 1988 – Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал (Нью-Йорк). 1988. № 172–173. С. 385–394. [Reznikova N. In Russian Harbin. *Novyj zhurnal* (New-York). 1988. No. 172–173. Pp. 385–394. (In Rus.)]

Росов, 2009 – Росов В.А. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал (Нью-Йорк). 2009. № 256. С. 239–263. [Rosov V.A. “To fully embrace the whole of Siberian Rus”: “Young Churaevka” in the letters of Georgy Grebenshchikov and Alexei Achair. *Novyj zhurnal* (New-York). 2009. No. 256. Pp. 239–263. (In Rus.)]

Росов, 2018a – Росов В.А. «Во имя высших идеалов человечества»: Письма Алексея Ачаира в музей Рериха в Нью-Йорке (1932–1935) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 40–53. [Rosov V.A. “In the Name of the highest ideals of mankind”: Letters from Alexei Achair to the Roerich Museum in New York (1932–1935). *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China: The experience of the exodus. A.P. Zabijako, A.A. Zabijako (eds.). Blagoveshhensk, 2018. Pp. 40–53. (In Rus.)]

Росов, 2018b – Росов В.А. Алексей Ачаир: «Борис Савинков» (поэма) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 72–84. [Rosov V.A. Alexey Achair: “Boris Savinkov” (poem). *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China: The experience of the exodus. A.P. Zabijako, A.A. Zabijako (eds.). Blagoveshhensk, 2018. Pp. 72–84. (In Rus.)]

Росов, 2018c – Росов В.А. Стихи Алексея Ачаира для «Вольной Сибири» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 85–96. [Rosov V.A. Poems by Alexei Achair for “Volná Sibir”. *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China:

The experience of the exodus. A.P. Zabiako, A.A. Zabiako (eds.). Blagoveshensk, 2018. Pp. 85–96. (In Rus.)]

Росов, 2018d – Росов В.А. Сибирская идея: от политики к педагогике. Письма Алексея Ачаира к А.В. Сазонову (1922–1925) для «Вольной Сибири» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 54–63. [Rosov V.A. Siberian idea: From politics to pedagogy. Letters from Alexey Achair to A.V. Sazonov (1922–1925) for “Volná Sibir”. *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China: The experience of the exodus. A.P. Zabiako, A.A. Zabiako (eds.). Blagoveshensk, 2018. Pp. 54–63. (In Rus.)]

Слободчиков, 2005 – Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. [Slobodchikov V.A. O sudbe izgnannikov pechalnoj... Harbin. Shanhaj [About the fate of the sad exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow, 2005.]

Солодкая, 2006 – Солодкая М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае (Харбин, Шанхай: 1917–1947): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. [Solodkaya M.B. Izdatelskaya deyatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae (Kharbin, Shanhaj: 1917–1947) [Publishing activity of Russian emigration in China (Harbin, Shanghai: 1917–1947)]. PhD dis. Krasnodar, 2006.]

Троцкий, 1927 – Троцкий Л.Д. О Сибири: Речь на вечере сибиряков 28 февраля 1927 г. М., 1927. [Trotskii L.D. O Sibiri: Rech na vechere sibir'yakov 28 fevralya 1927 g. [About Siberia: Speech at the Siberians' evening on February 28, 1927]. Moscow, 1927.]

Хлебников, 1926 – Хлебников В. Настоящее; Альвэк [Израилевич И.С.]. Стихи; Силлов [В.А.] Библиография. М., 1926. [Khlebnikov V. Nastoyashchee; Alvek [Izrailevich I.S.]. Stikhi; Sillov [V.A.]. Bibliografiya [Khlebnikov V. Present; Alvek [Izrailevich I.S.]. Poems; Sillov [V.A.]. Bibliography]. Moscow, 1926.]

Цветаева, 1997 – Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Кн. 1 / Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухина. М., 1994–1995. [Tsvetaeva M.I. Sobr. soch. [Collected works]: In 7 vols. Vol. 3. Book 1. Moscow, 1994–1995.]

Цветаева, 2016 – Цветаева М.И. Письма 1933–1936 / Сост., подгот. текста Л.А. Мнухина. М., 2016. [Tsvetaeva M.I. Pisma 1933–1936 [Letters 1933–1936]. L.A. Mnukhin (ed.). Moscow, 2016.]

Штейн, 1997 – Штейн Э.А. Поэты русского Китая (Иконография) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206. С. 138–180. [Stein E.A. Poets of Russian China (Iconography). *Novyy zhurnal* (New-York). 1997. Issue 206. Pp. 138–180. (In Rus.)]

Эфендиева, 2012 – Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики / Сост., подгот. текстов и примеч. Г.В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сб. научн. работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2012. С. 226–266. [Efendieva G.V. Materials for creative biographies of Harbin writers: Through the pages of emigrant periodicals. *Russkii Kharbin, zapечатlennyy v slove*. Issue 5. Problems of source study and textual criticism. A.A. Zabiako, G.V. Efendieva (eds.). Blagoveshchensk, 2012. Pp. 226–266. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 26.11.2021
The article was received on 26.11.2021

Об авторах / About the authors

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

Igor E. Loshchilov – PhD (Philology); Leading Researcher at the Sector of Literary Studies, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

E-mail: loshch@yandex.ru

Полторацкий Иван Сергеевич – ассистент кафедры истории и теории литературы Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет

Ivan S. Poltoratsky – Assistant at the Department of History and Theory of Literature of the Institute of Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: ipoltora@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript